

Н. С. ШАЙЖИНЪ.

# ОЛОНЕЦКИЙ КРАЙ

(ПО ДАННЫМЪ МѢСТНАГО ФОЛЬКЛОРА).

I.

ПЕТРОЗАВОДСКЪ.  
ОБЛАСТНАЯ ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФИЯ.  
1908 г.

---

Перепечатано из Памятной книжки, изданной Олонецким губернским  
Статистическим комитетом на 1908 годъ.

---

## Оглавление.

	Страницы:
Предисловіе . . . . .	1—3
1. Природа Олонцакаго края: орографическое строе- ніе его. Лѣса. Воды. Звѣри. Птицы. Ископаемыя.	4—6
2. Промыслы мѣстнаго населенія. Земледѣліе. Ското- водство. Лѣсной промыселъ. Охота. Рыболовство. Кустарныя и отхожіе промыслы. Бурлачество .	7—11
3. Домашній бытъ населенія. <i>Жиллице</i> . Крестьявскій дворъ—изба, горница, сѣня, сарай, подызбица. Службныя постройки: баня, овинъ, пастушья ша- лапка, лѣсной ставокъ . . . . .	11—15
<i>Пища</i> . . . . .	15—16
<i>Одежда</i> . . . . .	16—18



# Олонецкій край.

(По даннымъ мѣстнаго фольклора).

## Предисловіе.

Ближайшею задачей настоящей работы является прослѣдить, какъ отразилась жизнь и судьбы Оловін въ произведеніяхъ мѣстнаго народнаго творчества, дать по этимъ произведеніямъ характеристику края и его обитателей. Вопросъ объ изученіи края по даннымъ именно матеріаламъ только намѣченъ (въ предисловіяхъ къ I и II т.т. «Причтаній Сѣвернаго края» Е. В. Барсова), но не разработанъ въ литературѣ объ Оловін.

«Олонецкій край вообще—одна изъ самыхъ любопытныхъ мѣстностей нашего русскаго Сѣвера и представляетъ, — продолжимъ характеристику, сдѣланную въ 1886 г. К. Саучевскимъ.—исключительно, полную разнообразнаго интереса страну. Геологически очень любопытенъ, какъ область озеръ, мраморовъ, бѣлогной и озерной руды; этнографически — какъ страна кареловъ и финновъ (въ западной части), какъ богатѣйшій источникъ древнихъ былинъ. Нѣтъ ни одного края въ Россіи, который бы поспорилъ съ Олонецкимъ въ богатствѣ былинъ. Гитара и романсы все еще ни проникли сюда (разумеется, лишь въ глушь Оловін) и не замѣнили здѣшнихъ сказителей и сказительницъ, передающихъ изъ рода въ родъ запредѣлыя мотивы самобытной родной мысли.

Богатъ край былинами, но еще богаче онъ воспоминаніями религиозной жизни. Нѣтъ другого угла въ Россіи, который представлялъ бы столько типичныхъ подвижниковъ христіанства, такой плеяды проповѣдниковъ слова Божія и насадителей образованія, много ихъ было на Руси, но тутъ онъ сосредоточены видимо—невидимо. \*) Сюда же убѣгали въ древнее время расколь и привозели

\*) Всего въ Олонецкой губ. съ древности существовало до 64 монастырей! Большая часть ихъ закрыта въ царствованіе Екатерины II-й. См. «Матеріалы для историко-топограф. изслѣдованія о православныхъ монашествахъ Россіи» Заѣрицкаго, т. т. I III.

поразительно быстро погиблия ир-израстаніи: Даниловскій и Лексинскій раскольничьи монастыри, такъ называемую Выгорѣцкую. Олонецкій край отличаетъ и еще и гѣмъ, что оль- страна охоты на всякаго звѣря, на всякую птицу, половина населенія живетъ охотою». (По Сѣверу Россіи съ Великимъ Княземъ Владимиромъ Александровичемъ, в. 1881 г., т. I, 3—4).

Представляя такой разносторонній и серьезный интерес, Олонецкій край естественно вызываетъ и обширную и разнообразную о себѣ литературу. Въ этой литературѣ, не говоря уже о множества мелкиѣ статей, разбѣянныхъ по мѣстнымъ (Олон. Губ. и Епарх. Вѣдом., Олон. Сборникамъ и Памятникамъ книжкамъ) и въ некоторымъ столичнымъ периодическимъ изданиямъ, есть не мало и крупнымъ работъ: по геологій (Иностранцевъ, Колеско, Поляковъ, Печаевъ), археологій (Барсонъ Е. Я.), исторій края (обширное предисловіе къ изданію «Населенные пункты Олонецкой губ.» 1879 г.), по исторіи христіанства (работы И. С. Елпидинскаго и о. П. К. Чукова) и раскола (Барсова: «Братья Денисовы», о. Д. Я. Острожскаго: о Выгорѣцкѣ и «Внутренніе вопросы въ расколѣ» XVII вѣка проф. П. С. Смирнова), по этнографіи (описанія Дашкова, проф. Н. Харузинъ и масса путевыхъ очерковъ—отъ Г. Р. Державина и акад. Озерецковскаго въ 1784 г. до изданной въ 1907 г. книги «Въ краю ненуганныхъ птицъ», очеркъ Выговскаго края, М. Пришвина \*).

Но всѣ указанные авторы кромѣ, отчасти, М. Пришвина говорятъ о краѣ и его обитателяхъ или на основаніи историческихъ и естественно-научныхъ данныхъ, или дѣлятся просто собственными наблюденіями, вынесенными изъ путешествій по Олоноу. Мы на мѣрны говорить о краѣ устами его обитателей, отдавъ на второе мѣсто всѣ другія данныя. Олонецкій фольклоръ, какъ главный матеріалъ для своей работы, мы воздвигаемъ на первое мѣсто въ виду его двойного превосходства предъ другими, особенно историческими, данными, превосходства качественного и количественнаго.

Духъ и мировоззрѣніе народа нельзя познать достаточно изъ мертвыхъ дѣловыхъ актовъ и лѣтописей, зато о немъ ясно и краснорѣчиво говоритъ живая старинная народная, народная поэзія въ ея дѣломъ. Последняя всегда коренилась въ бытѣ, въ бытовыхъ представленіяхъ народа религиозныхъ и реальныхъ (Пыпинъ «Исторія Русской литературы», т. III, 63). Она послѣдовательно раа-

\* См. еще статью Ив. Ив. Благовѣщенскаго Ученыя изслѣдованія въ Олонец. губ., Олонец. сбора, вып. IV, 181—187.

нивалась вместе съ развитіемъ социальныхъ, юридическихъ, экономическихъ и всякихъ иныхъ условий жизни народа и въ силу этого является яркимъ свидѣтельствомъ, какъ о старыхъ эпохахъ народной жизни, о древнемъ народномъ міровоззрѣніи, такъ и о позднѣйшемъ укладѣ жизни народа и чертахъ его быта. Правда, какъ въ зеркалѣ лучъ проходитъ черезъ известную преломляющую среду, такъ и въ народной поэзіи мы не встречаемъ, говорить г. Шеметова \*), фотографическаго воспроизведенія живейшихъ явленій; подчиняясь общимъ условіямъ поэтической концепціи, они выхотятъ со слѣдами нѣкотораго субъективизма. Но зато субъективизмъ есть отпечатокъ индивидуальности цѣлаго народа, способности его мысленія, его вѣрованій и убѣжденій. Отсюда двойная цѣнность народной поэзіи: съ одной стороны она знакомитъ насъ съ фактами народной жизни, съ другой вводитъ, такъ сказать, въ самую душу народа, показываетъ, какъ народъ реагируетъ на эти факты реальной жизни.

И въ количественномъ отношеніи документальныя данныя объ Оловещкомъ краѣ несравнимы съ данными народной словесности. При немногочисленныхъ и нехарактерныхъ данныхъ историческихъ актовъ и при полномъ молчаніи объ Оловинъ краѣ въ историко-этнографическомъ отношеніи занисокъ иностранцевъ (у Герберштейна, описавшаго въ началѣ XVII вѣка всё о лави Московскаго царства, только объ одномъ Оловещѣ не сказано ни слова), въ услугахъ интересующагося судьбами края цѣлое море произведеній народного творчества, большую часть которыхъ крѣпкая память народная донесла до насъ,—не смотря на постоянное осужденіе русской пѣсни,—отъ времени почтенной старинны, и въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отразилась мѣстная жизнь и бытъ во всѣхъ его формахъ и проявленіяхъ. Описывать эту жизнь мы намерены по слѣдующей схемѣ:

I. Материальная культура, экономическій и домашній бытъ населенія.

II. Семейный и общественный бытъ. \*\*)

III. Религіозно- нравственное міровоззрѣніе народа:

а) пережитки древняго (языческаго) міровоззрѣнія и

б) степень пониманія и усвоенія христіанства.

\*) Филолог. зап. 1900—1902 гт. Русская жевница въ народномъ эпосѣ и лиричѣ.

\*\*) См. „Олон. Губ. Вѣд.“ 1908 г. и отдѣльный оттискъ.

I.

Матеріальна культура, — економічний і домашній быт населення.

1.

Олонський край няморская, подсинерная сторона, Сиврская украинка, какъ называютъ ее мѣстные былинны, причети и пѣсни (А. О. Гильфердингъ. Онежскія былинны. II. 312). Характеризуя мѣстную природу, былина скажываетъ:

Видно есте щель-камень изъ сѣверной стороны,

Мхи да болота въ няморской стороны. (Гильф. I, 168).

Но если второй изъ приведенныхъ стиховъ приложимъ къ большей части мѣстностей Олоніи, то первый стихомъ сказительница заонежанка (Олонина) характеризуетъ исключительно свой край, сѣверо-западный уголъ того неправильнаго треугольника, пелюбе котораго представляетъ собою громадная (въ 130.719 кв. в.) площадь Олонскаго края. «Различающіися теперь по своему орографическому строенію с.-з. и в.-в. части Олоніи изъясн различную судьбу и изъ дѣлкомъ дон историческомъ прошломъ. С.-з./ю.-в. направление заонежскихъ «селегъ» (каменныхъ заборовъ) и «бараньихъ збовъ» (обточенныхъ водою прибрежныхъ холмовъ) все это слѣды обширнаго ледника, который некогда двинулся въ сѣверо-западную Олонію со Скандинавскаго массива. Во многихъ мѣстахъ Заонежья ледникъ не стеръ однако складокъ древнихъ породъ и складки эти, лежа какъ разъ накрестъ созданнымъ ледникомъ крижамъ и русламъ рѣкъ по ложниамъ, послужили причиною образования на рѣкѣ Сунѣ Кивача, Порогъ-порога и Урваса и множества другихъ водопадовъ по всѣмъ Заонежскимъ рѣкамъ» (Березинъ). Сильный и стремительный «падунъ» — водопадъ — обитно служить въ Олоніи прекраснымъ символомъ глубокаго душевнаго позвения, безутѣшнаго интеринскаго горя:

Сестра ріденька-та плачеть—

Што ручей бѣжитъ,

Родя яменька-та плачеть.

Што падунъ шумить....

(«Горы Поробьевы» нашей записи; ср. «Пѣсни, собранныя изъ Арханг. и Олон. губ.» Истомина IV, 43).

Но не все въ Олоніи «горы толкучіи, мхи да болота зыбучіи»

Петрѣчаются особенно въ Каргопольскомъ краѣ, и «наполисты» мѣстности, т. е. лишенные лѣса, котораго въ Каргопольскомъ уѣздѣ уже въ 1561—62 гг. было всего лишь 21 % \*) Зато лѣсъ почти всюду господствуетъ на остальномъ пространствѣ Олонін. Всюду, куда ни посмотрѣшь:

Безъ конца лѣсу шумячю,

Ай не видно ему ни краю да ни берега (Г. I, 326).

Преобладають конечно «сыры боры дремучіи», глухіе еловые «острова» и «орги незнакомыи», прерываемые иногда на десятки верстъ болотной, на которой тамъ и сямъ мелькають жалкіе «деревца шатучіи, сухонерхін сосенки, да зловѣще снѣгюгъ оконники или глухія озерки «лажнины бездоныи». Лѣсъ въ Олонін въ общемъ занимаетъ ноловину земель, болѣе 10 милліоновъ десятинъ. Какъ бы нехотя уступаетъ онъ мѣсто подѣ жилья крестьянина, подѣ его поля, «явны и наводоки», подѣ дороги къ нѣмъ лѣсовымъ съ ростанями крестовымъ (Г. I, 361).

Но если лѣсъ подавляетъ человѣка, держитъ въ нѣмъ его фантазію, то онъ уступаетъ другой могучей силѣ—водѣ. «Лѣшин» озерки и источники чередуются около селеній съ «чирядучими» ручеечками, быстрыми подгольными рѣчками и рѣками (Свирь рѣка—«свиришя» и др.) и веселыми круглистыми озерами, которыя въ Олонін насчитывается до 2000. Главная масса воды, занимающей до 14% всего пространства края, заключается въ бассейнѣ «синь-славнаго шумливаго Онегунка» (8,568 кв. верстъ). Пустыни и дикіе изъ Олонін таежныя лѣсныя заросли, озерныя и рѣчныя затресты и заводья, а подѣ-чась и странныя оувѣ, когда въ «надору-погуду неполярную завѣють, распушится вѣтра будныя, а на Онегѣ «замутится вода съ пескомъ» и подымутся «стошныи» волны саженыя (Гильф. II, 114; I, 542).

Но «зануритъ курьвка на Михайловъ день (Г. I, 391), замететь нѣтъ дорожки и нуги (Соболевскій, «Великорусскія народныя пѣсни» \*\*) У. 410), всю травку-муравку понылобитъ, со травки цѣвѣточки повысунитъ (Собол. VII, 158), навалитъ на сажень сѣтѣгу бѣлаго (Рыбняковъ, Пѣсни, IV, 110) и заснутъ лѣса и воды подѣ снѣжной неленой на цѣлыя погы-года. Наступаетъ зимунка-зима,

\*) Рожковъ. Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в. 1899 г. стр. 3.

\*\*) У Соболевскаго Олонецкія пѣсни выбраны изъ изданій Рыбникова, Гильфердинга, Студитскаго и Олов. Губ. Вѣдомостей.



холодна студена (Собол. VII, 158) «съ бурными морозами крепеньскима съ рѣзкими втерочками афонасьевскима» («Достольная пѣсни» нашей записи, III).

Только въ маѣ начинаютъ пробуждаться безжизненная природа. «за Егорьемъ съ водой приходитъ и Никола съ страной». Оживаютъ лѣса, довольно густо населенные представителями животного и пернатого царства, такъ оригинально охарактеризованными народомъ въ поповальщинныхъ: «Птицы» (Г. №№ 130, 264, 280, 298), «Птицы и звѣри» (Г. 62, 137), «Пѣтухъ и лиса» (№ 24) и въ собранныхъ нами сказкахъ. Въ лѣсахъ держатся гроза настаха «черными и бурый звѣрь, широколаный медвѣдь кожемяки: опрокидены пакостники переходимый волкъ, овчинникъ съ волчицей рыскачей; лисица — молодая молодиди: поспакачей, бѣлой зайонко и малый горностюшко». Изъ птицъ въ лѣсахъ обитаютъ: косачи, на морѣ казакъ донской; тетерья, молодая женки; рябичи, на морѣ странчій; а по гихимъ завонямъ, да зеленымъ затрестямъ, плаваютъ — колыбаются стаи лебедей бѣлыхъ — на морѣ бонры; гусей сѣрыхъ, морскихъ ходателей, сѣроплавныхъ утешекъ. По болотамъ летаютъ стаи выюжковъ — грабликовъ, куликовъ долгоножыхъ, журавовъ долгоножихъ — пчюмарей монастырскихъ. Около человѣческаго жилища гнѣздятся: синица — на морѣ пѣвица, голубь сизенькій, воробьи налетные, сороки коловая, галлицы, косата лѣтна застунка. Весной при проталинкахъ малы птица жаворончекъ по поднебесью летать, жадобнехонько оуѣ щекотаетъ. Изъ другихъ «птичюшекъ пѣвчатыхъ» рѣдко-рѣдко поетъ свою пѣсню «соловей залетной», сиди «на ракиговомъ кустышкѣ, на мялиновомъ прутьишкѣ». Грозю птицъ являются соколы ясные, орлы (Г. II, 488), совы да вичены (Г. II, 73). Воды Обонежи богаты цѣлыми породами рыбъ: сигаыхъ и красныхъ (Доск. и. II) другими неистощимыми богатствами: озерными рудами и жемчугами скачными, въ которые такъ любятъ «крутиться» олончанки и которые оуѣ такъ часто выводитъ въ причесихъ и пѣняхъ. Иѣдра горъ въ Олонии содержатъ не только желѣзные, но и мѣдные руды, а даниловцы разрабатывали около Воицкого падуна у Выгозера (Новѣн. у.) и золоты и серебряныя росыпы, заброшенные теперь. Объ изобиліи золота въ былое время и его чудесномъ исчезновеніи сложилась цѣлая легенда (Майповъ Поѣзда въ Обонежье, 161). Изъ ископаемыхъ Олонии въ произведеніяхъ фольклора упоминается еще о яригорѣ (Собл. III, 136; V, 526), разнообразныя (33) и красивѣйшія сорта котораго залегаютъ въ Занежьѣ — на Бѣлой горѣ, около с. Тивдин.

2.

Вышеуказанными природными богатствами Олонецкого края естественно определяются промыслы и бытъ мѣстнаго населенія.

Главнымъ занятіемъ жителей Олонінъ съ XVI в. \*) является земледѣліе. Въ какомъ состояніи послѣднее было до конца XV в.—указываютъ двѣ былины, являющіяся вообще свѣдѣніями стараго экономическаго стрѣя. Эти былины о Вольгѣ и Микуль (Г. № 32) и первомъ подвигѣ Ильи Муромца (Р. II, 1; Г. № 120)—о расщипываніи имъ опловскихъ «ножонъ»—луговъ. Упомянутое объ обработкѣ земли всѣхъ другихъ былинь ясно говоритъ, вопреки Майкову (Былины Владимірова цикла, 53), за то, что земледѣліе не было въ древности «главнымъ занятіемъ массы народной». Теперь положеніе вещей иное: занятіе хлѣбобашествомъ считается самымъ почетнымъ и служить признакомъ имущественной состоятельности. Однако земледѣліе въ Олоніи, исключая хлѣбородный Каргопольскій уѣздъ, почти вездѣ является неблагодарнымъ, а по трудности прямо каторжнымъ занятіемъ и къ этой формѣ труда едва-ли не больше, чѣмъ къ какой-либо иной приложима пословица: «съ работы не ставешь богаты, а станешь горбаты». Особенно трудно воздѣлываніе лѣсныхъ нивъ, когда то и дѣло:

«У ратоя то сошка поскрываетъ,  
Омешки по камешкамъ проскырываютъ».

Когда ратай: «Коренья, каменья вывертываетъ,  
Сосенки да елки въ борозну валитъ» (Гиллф. II, 7)

Съ предварительной обработкой нивы можетъ знакомить наивная легенда: «Какъ рубили у мужика виву Ильи пророкъ да Микола милосливой». Эти святые, особенно чтимые въ деревнѣ, представлены въ легендѣ чудными дровосѣками. Цѣлый день трудятся они, поражая своимъ усердіемъ мужика, а результаты своей работы предвидятъ очень скромные: въ «нивь» будетъ вырастать только по четверткѣ съ овина съ 15 бабокъ.

Земледѣльческими орудіями изъ древности остается въ краѣ соха и деревяннан, изъ еловыхъ сучьевъ, борона. Описаніе «сохи Олонецкой» дано въ былинѣ о Вольгѣ:

«Сошка то у пахаря волжаная.  
А во сошки были плотики кленовыи.  
А на плотикахъ рогачихъ былъ рыбій зубъ.  
Омешки на сошки булатныи,

\*) Ср. Милоковъ. Очерки исторіи русской культуры I, 68—70.

А присопничежь быть красна золота» (Г. I, 221).

Вспахиванье нивы и поля сопровождается массой народных приметъ, наприм., чтобы медвѣдь не ѣлъ овса на нивѣ— сѣмена высыпаются сквозь бересто: вокругъ гороховицы и рѣпницы протягивается въ предупрежденіе отъ воровъ нитка изъ холста, которымъ была покрыта поковникъ; на полевъ не допускается левица рябилица до 10-го дни и т. д.

Содержаніе снота доставляетъ крестьянину массу хлопотъ: вѣчно опасаясь нападеній на скотину «широкозанаго медвѣдя и рыскачаго волка» и стараясь несной оградить свой «мидой животъ» отпущками и мольбами и къ Богу, и къ черту, крестьянинъ съ трудомъ можетъ прокормить скотину и въ теченіе зны. Причиной послѣдннго является недостаточность покосовъ и неудобство уборки сѣна въ чинахъ, но болѣе всего и вокругъ озеръ, гдѣ рыбагаъ приходится часто по колѣно въ холодной водѣ. Недаромъ же въ одной изъ пѣсенъ дѣвушка жалуется:

Моя желанна тетушка,  
Тяжела работушка—  
Сѣнокосъ да живушка.  
Болитъ бажена спинушка.

Еще хуже условія работы при лѣсномъ промыслѣ—въ борахъ и на сплавахъ (Заонеж. причетъ въ нашей книгѣ «Олонецкіе мѣлопады»). Лѣсное производство, обогащая лѣсопромышленниковъ, не даетъ хорошихъ заработковъ населенію, а, благодаря хищнической эксплуатаціи лѣсовъ, обрекаетъ нашъ край и въ будущемъ на нищету и разореніе.

Не въ лучшихъ условіяхъ находится и широко поставленная въ Олонецъ охота на лѣсную дичь и звѣря бѣлку, кунницу, и въ древоности и бобра. О бобровыхъ гонахъ вспоминаетъ одна дарственная грамота XVII вѣка.

Способы охоты—силки, пасти, ружейная охота съ собакой, охота облавой на Климецкомъ островѣ (Олонец. сборн., вып. I); медвѣжья рогатина теперь повывелась (Гильф. II, 14). Силковую ловлю описываетъ былина о Вольгѣ:

Вѣйте веревочки шелковыи,  
Становите веревочки по темну лѣсу,  
А ловите вы кунницъ, лисиць...  
Становите силышка на темной лѣсѣ,  
На темной лѣсѣ, на самой верхѣ,  
Ловите гусей, лебедей, ясныхъ соболей (Гильф. № 91.)

Главнымъ видомъ охоты въ Олоніи является теперь стрѣлянье изъ ружья вслѣдствіе низкихъ цѣнъ на дичью дичь. Ружья оловчанина, пишетъ Н. Березинъ, самаго примитивнаго устройства, иногда кремневое, <sup>1)</sup> и если и курковое, то въ немъ, какъ признаютъ сами «охотники»: «стволомъ съ Щукина, ложе съ Дюкина, замокъ съ Казани, курокъ съ Рязани, — а забойникъ (помножь) иная съ полѣна сдѣлать». И одинокъ съ такимъ «оружьемъ», охотникъ не боится уходить за десятки верстъ въ глухіе острова, потому, что надеется на свое «оружье» и собаку ланку: все у него заговорено имѣть съ собой. Охотникъ заговорилъ свое оружье «отъ стуку, грому и остуду, отъ призрачу черницы и бѣлицы, дѣвицы и молодицы», онъ хотѣлъ, чтобы ружье его «добычу бы яло, добыча бы на землю унадала и отъ души отстала». Если что и «присунется» оружью, то стоитъ только помазать дуло теплой кровью сороки, или вымыть нагворной водой и «весь приколъ, какъ рукой спягеть».

Кромѣ звѣроловства въ Олоніи всюду занимаютъ рыбной ловлей а въ предѣлахъ такого воднаго бассейна, какъ Онега, рыболовство поставлено даже на очень широкихъ началахъ, и приносятъ громадные барыши не только ловцамъ, конечно, сколько скупщикамъ и перекупщикамъ рыбы. <sup>2)</sup> Означенный природный морякъ, этимъ объясняется частое и подробнѣе описание лодки, корабля и рыбной лодки въ былинахъ, причитаньяхъ и пѣсняхъ. <sup>3)</sup>

И рыболовство подобно охотѣ, обставлено массою прижѣтъ и заговоровъ. Новый неводъ, напр., катягъ ладонемъ, чтобы отошла вся порча; катягъ въ неводъ «мякышку» хлѣба и если она закатится прямо въ неводъ, то, по прижѣтѣ, послѣдшій слитъ удачно. Въ заговорахъ на рыбную ловлю покровителями этого промысла называются святиномуч. Климентъ, Николай Чудотворецъ и Героргій Побѣдоносецъ.

Кустарные промыслы <sup>4)</sup> и горнозаводская промышленность <sup>5)</sup> развиты въ Олоніи еще очень слабо. Производство льна и дранылька, на тающее съ каждымъ годомъ, занятія ремеслами и промыслами не способны сколько-либо серьезно поддержать крестьянское

<sup>1)</sup> Образцы такихъ ружей можно видѣть въ этнографическомъ музѣ въ Петрозаводскѣ.

<sup>2)</sup> Н. Н. Пушкаревъ. Рыболовство на Онежскомъ озерѣ. 1900 г.

<sup>3)</sup> Гильфердингъ. Олонецкая губ. и ея рабоды, 29 стр. Колосовъ. Отчетъ о поѣздкѣ въ Олон. губ.

<sup>4)</sup> Н. И. Благовѣщенскій и Гарязинъ. Кустарные промыслы въ Олон. г.

<sup>5)</sup> Игудкинъ, Д. П. Олонецкій край и его естественныя богатства 1897г.

хозяйство при неурожаѣ хлѣбовъ и Олончанинъ нехоти долженъ уходить въ бурлаки въ «Питеръ» или на «канаву» — Мариинскую систему. Въ своихъ пѣсняхъ Олончанки такъ упоминаютъ о пречисленныхъ промыслахъ:

Въ поли нушки не стало  
Болѣ негдѣ лыка драть;  
Увели дружка ит. солдаты,  
Болѣ не съ кплъ пограть. (Пудожек. частунка.)

Скоро, скоро лень постіе,  
Мы по баенкамъ поидемъ.  
Пароходъ съ ребятами пруде,  
По милому заведемъ. (Вытегор. част.)

Кабы знала молодешенька,  
Што мой милой портной—  
Я купила бы иголочку,  
Паперстокъ золотой. (Петроз. част.)

Поѣзжать миляшка въ Вагу,  
И сейчасъ въ постельку лягу,  
Милой съ Ваг шки домой,  
И съ постельюшки долой. (Кяргон. част.)

Нанишу писемышко  
Милому на суденышко.  
Ты лети, письмо, туда,  
Гдѣ суденышко грузя. (Пудож. част.)

На горюшки бѣлой лентъ,  
Билище 12 депъ,  
Мой-отъ миленкой ит. солдатахъ  
Отъ семейки отдалентъ. (Пудож. част.)

Бурлачество иногда даетъ сносный заработокъ, во оно же приноситъ и страшный вредъ, деморализуя мужика. Нерѣдко бурлакъ, вопреки ожиданіямъ семьи, возвращается домой «ни съ чѣмъ», провожаютъ ит. «путину» степеннаго домохозяйина, и встрѣчаютъ золоторотца. На патриархальную деревню Олонецкой губернии подобныя типы производятъ прямо разлагающее вліяніе. Бурлакъ не только самъ «чертитъ во всю», разоряя свое хозяйство, но на тотъ же путь безшабашнаго разгуда втягиваетъ и сосѣда.

Вотъ самосвидѣтельство народное о бурлачествѣ:

Все я лѣтушко бурлачилъ,  
Кулить иряничка не рачилъ.

хозяйство при неурожаѣ хлѣбовъ и Олончанинъ нехоти долженъ уходить въ бурлаки въ «Питеръ» или на «канаву» — Мариинскую систему. Въ своихъ пѣсняхъ Олончанки такъ вспоминаютъ о пречисленныхъ промыслахъ:

Въ поли нушки не стало  
Болѣтъ негдѣ лыка драть;  
Увезли дружка ит. солдаты.  
Болѣтъ не съ кпль пограть. (Пудожек. частушка.)

Скоро, скоро лень поспіе,  
Мы по баенкамъ поидемъ.  
Пароходъ съ ребятами пріде,  
По милому заведемъ. (Вытегор. част.)

Кабы знала молодешенька,  
Што мой милой портной—  
Я купила бы иголочку,  
Наперстокъ золотой. (Петроз. част.)

Поѣзжать мяляшка въ Вагу,  
И сейчасъ въ постельку лягу,  
Милой съ Ваг шки домой,  
И съ постельюшки долой. (Каргол. част.)

Нанишу писемышко  
Милому на суденышко.  
Ты лети, письмо, туда,  
Гдѣ суденышко грузя. (Пудожек. част.)

На горюшки бѣлой лень,  
Виллице 12 девъ,  
Мой-отъ миленькой ит. солдатахъ  
Отъ семейки отдаленъ. (Пудожек. част.)

Бурлачество иногда даетъ сносный заработокъ, во оно же приноситъ и страшный вредъ, деморализуя мужика. Нерѣдко бурлакъ, вопреки ожиданіямъ семьи, возвращается домой «ли съ чѣмъ», провожаютъ ит «путницу» степеннаго домохозяйина, и встрѣчаютъ золоторотца. На патриархальную деревню Оловецкой губернии подобныя типы производятъ прямо разлагающее вліяніе. Бурлакъ не только самъ «чертитъ во всю», разоряя свое хозяйство, но на тотъ же путь безшабашнаго разгуда втягиваетъ и сосѣда.

Вотъ самосвидѣтельство народное о бурлачествѣ:

Все я лѣтушко бурлачилъ,  
Купить иряничка не рачилъ.

Я не рачилъ, не купилъ—  
На паперожы прокурилъ. (Шудож. част.)  
Слава Богу—донешного  
Сталь деревню забывать.  
Полуйѣрка сталъ мало—  
Сталь бутылку выпивать. (Шудож. у.)  
На чугуники жизнь хороша—  
Не принесть домой ни гроша,  
На табакъ да на вино  
Пронилъ денежки давно. (Каргол. у.)  
Идеть съ Питера бурлакъ,  
Несеть берестяной бурлакъ.  
Бур. чекъ берестяной.  
Питерякъ ремеслазвой. (Петрозав. у.)  
Слава Богу, лѣто прожили.  
Бурлаковъ дождались,  
Пришли бурлаки небоматы  
Саможенка прорвались. (Шудож. у.)  
Ужь ты, братецъ ты Никола.  
Погуляемъ заодно—  
У албара двиря позы.  
У наѣска видно дно. (Шудож. у.)

Точно предчувствуя возможные несчастный конецъ путныя бурлакы, уходя на заработки, трогательно прощается съ домою и родной деревней:

Прощай, кони и коровы.  
Вси высоки хоромы.  
Прощай, ричка, прощай мость,  
Прощай, Архангельской погость,  
Прощай, соха и борона,  
Прощай, родима сторона! (Каргол. у.)

3.

Отъ экономическаго положенія населенія Олонки переходимъ къ описанію его домашняго быта

Особенно важное значеніе въ дѣлѣ изученія культурныхъ явленій народа имѣетъ изслѣдованіе жилищъ, какъ жилыхъ помѣщеній, такъ и помѣщеній для хозяйственныхъ цѣлей. Какковы были жилища помѣщенія Олончанъ въ древности, объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельства писцовою книги 1582—83 г.г. и описанія Оло

нин конца XVIII в. (ж. «Устон» 18-2 года, № 1. статья Семейскаго <sup>1)</sup>). Но гораздо болѣе полное описаніе древняго жилья могутъ дать Олонцевіе варианты былинъ. Правда, былины описываютъ почти исключительно княжескія, царскія и боярскія палаты <sup>2)</sup>, но, по замѣчанію П. Е. Забылина (Быть рус. царей, 38) царскій дворецъ XVI-го и XVII-го вѣка, если откинуть разницу въ убранствѣ, просторѣ и украшеніи жилищъ,—есть вебольшое видоизмѣненіе крестьянской избы, которая въ свою очередь съ самаго давнихъ временъ и до послѣдняго времени нисколько не измѣнилась <sup>3)</sup>. Въ старину обонезскія деревни, разбросанныя болѣею частью около озеръ и по порѣчьямъ, были не велики: самое большее 15—20 дворовъ, но были и по 1—2 двора (Писцовая книга 1628—29 г.). О томъ же говоритъ и старинная Олонцевая пѣсня:

.... Стояла слободушка,  
Не велика слободушка —четыре двора.

Въ большія распланированныя поселенія крестьянскія жилища постройки группировались и группируются въ немногихъ только мѣстностяхъ, напр. въ Каргопольскомъ уѣздѣ, по р. Онегѣ <sup>4)</sup>. Въ другихъ мѣстностяхъ «улицы плановыя» встрѣчаются только въ деревняхъ, выстроенныхъ послѣ пожаровъ по плану, данному начальствомъ. При этомъ требованіе властей выносить бани и ригачи—гумны за деревню трактуется олонцевой пѣсней, какъ престои капризъ и подржаніе городу:

Еще Суиская деревня  
Можно городомъ вазвать:  
По краямъ есть ригачи,  
На середки богачи. (Петроз. у.)

Олончанинъ не любитъ древесныхъ насажденій около своего двора:

(Част.: У милого дождь высокъ,  
Подъ окномъ одинъ песокъ),

но считаетъ ихъ необходимыми вокругъ церкви, или деревенской часовни. Къ рощамъ создается даже какое-то благоговѣнное отношеніе: онѣ неприкосновенныя ни подъ какима видомъ собствен-

<sup>1)</sup> Домашній бытъ и нравы крестьянъ во второй половинѣ XVIII в.

<sup>2)</sup> С. К. Шамбинаго. Древне-русское жилище по былинамъ. Юбилейный сборникъ въ честь В. Ф. Миллера, 129 стр.

<sup>3)</sup> Костомаровъ. Очеркъ древнихъ жилищъ. 40.

<sup>4)</sup> Ср. „Списокъ населенныхъ мѣст Олонцевой губ.“ 1907 г.



ность того святого, которому посвящена часовня или церковь. Вследствие такого вбравания много Олонецкія часовни по деревням и церкви по «погостам» — селамъ стоятъ въ «частыхъ рощахъ»:

(Част.: На погостъ въ частой рощи

Звала миленькаго въ гости.),

производящихъ издали оригинальное впечатлѣніе зеленыхъ оазисовъ, брошенныхъ среди сѣрыхъ вспаханныхъ полей и деревянныхъ строеній.

Крестьянскій дворъ составляютъ домъ, баня, ригача и амбаръ. Подъ домою разубѣтся изба и горница соединенные сѣнями, и сарай съ дворомъ и хлѣбами. Кромѣ двора (Рыб. I, 20; Г. 139) эта группа построекъ носитъ на старіи названіе «подворья» — (Р. I, 25) и «хорошнаго строенія» (Славян. III, № 1). какъ на старіи-же существуютъ названія собственно жилыхъ помѣщеній — избы (Г. 115) и горницы (въ свадебной причети и писц. кн. 1582 г.).

Материаломъ для построекъ служатъ только «матерья» сосновые бревна. Вокругъ избы для тепла дѣлается «пывалина» или «пывалинка». Обнаде дѣса позволяютъ всегда строить высокія избы, въ которыя везеть круго красно крылечушко (Р. I, 9), или переносъ (съ перилами) крылечушко (Собл. IV, 495). то открытое, то глухое съ навѣсомъ, примыкающее къ избѣ подъ прямыми углами, или сбоку о стѣну. Обычнымъ наружнымъ украшеніемъ постройки служить «галдарся», или балкончикъ со столбиками (древній «рундукъ» Рыб. IV, 51), рѣзной ковчекъ на концѣ шоложка, такіе же карнизы и наличники у оконъ и изрѣдка украшеніе въ видѣ домника на концѣ дымовой деревянной трубы въ курныхъ избахъ. Названіе оконъ, «красными и косничатыми» — осталось и до сихъ поръ (Собл. IV, 595). По мѣстоположенію окна называются: межукрестное (у иконъ), столовое, въ печномъ углу, на казу (у дверей). По верху изба Олончанина почти всегда двухскатная, шоложенная (Гляф. I, 174), т. е. завершающаяся продольнымъ бревномъ съ внутренней выемкой, въ которую уходятъ верхніе концы теса обонхъ скатовъ крыши. Подъ каждымъ домою, какъ прежде (см. Писц. кн. 1582), такъ и теперь есть обязательно подвалы или подклѣты.

Крестьянская изба очень просторна: всегда квадратная площадь ея «зени, моста», или поля занимаетъ около 4 саж. Въ данной отъ 1590 г. читается: «изба трехъ сажень». Въ «большомъ чести-мъ углу» стоятъ на божвицѣ, всл святители, у «лицевого окна» столъ

со скатертью» набраной (Г. II, 442), вдоль стѣвъ тянутся «лавочки брусовыя», и надъ ними подъ потолкомъ воронцы или надлабочники. На воронцы, какъ и на грядочки и «стопочки точевыя» въ простѣнкахъ (Г. I, 191), крестьяне помѣщаютъ одежду. Вблизи правой боковой стѣны въ избѣ ставится «кровать тисовая» (Г. I, 209), а подлѣ нея подвѣшивается «зыбочка» или «люлочка» дѣтская (Г. I, 136). Около двери занимаетъ массу мѣста «кирпичная тепа печушка», въ древности иногда «земляная» (Р. I, 160) и обязательно «курная» (Риб. I, 17). Между печью и боковой стѣной, оставляется промежутокъ — «шешыша» или «запечье» (Г. I, 60), служившее мѣстомъ для «порядни» (странни), а у раскольниковъ и для молитвы. Описание обстановки крестьянскаго «житья жирунки» было-бы не полно, если не упомянуть, кромѣ столи съ рѣзными ножками (Р. III, 30), о ставкѣ — ткацкомъ ставкѣ, свѣтлѣ, въ которомъ горитъ лучина частоловная, стульцахъ (Р. I, 20) и переносныхъ скамьяхъ двуногихъ (Гильф. I, 197).

Горница, въ отличіе отъ чулана (Г. I, 207) или гетли, носитъ еще названіе «свѣтлой клити» (Вил. о Дубранѣ и Алешѣ). Большой уголъ бываетъ здѣсь заставленъ образами Суздальской работы, надъ образами протягиваются чистые «утеральники» — полотенца съ вышивкой по концамъ условно-подражательнаго характера. Въ комбинаціяхъ отдѣльныхъ на первый взглядъ линий вышивальница укажетъ вамъ «елочки», «березы и сосенки», «ягодки», «звѣздочки» и г. д. Горница, какъ и «подволока» — чердакъ служитъ складомъ для всего лучшаго изъ имущества и «покруты» хозяевъ. Простая избная мебель зачѣнется здѣсь крашевыми съ росписью «капанелими» — диванами, столами и стульями (Гильф. I, 105).

Въ «сѣняхъ хоботистыхъ» есть обычай ставить цѣлый рядъ иконъ, чтъ постарѣе. Несомнѣнно, это обычай старины: о подобномъ обычаѣ въ древней Руси историкъ Забѣлинъ приводитъ такое свидѣтельство: «У князя Голицына въ сѣняхъ же на стѣнахъ 5 образовъ...» (Матер. т. I, 101). Передъ сѣнной божницей во многихъ юмахъ служился, вѣроятно тоже по старинѣ и пасхальный молебень. Изъ сѣней непосредственный ходъ на «саран колесистый», — складочное мѣсто для кормины скота, для земледѣльческихъ орудій и экипажей: телѣгъ, скатныхъ саночекъ (Был. о Чурлѣ), одвоколокъ, волоковъ (Г. I, 217) и др.

На зиму словчанинъ рѣдко остается въ просторной избѣ, переходя въ тѣсную, зато теплую, заднюю избу, или подызицу. Всѣ

перечисленные постройки крестьянского двора по внешнему виду представляют цѣлый ряд или скорѣе кучу зданій, соединенныхъ между собою переходами, крышами, стѣнами, точь въ точь какъ и въ црнннстн, когда по былинному свидѣтельству въ теремахъ:

Вериники съ вериниками свивалися.

Потоки съ потоками сrostалися,

Крылечка съ крылечками сплывалися. (Р. II, 63).

Изъ служебныхъ крестьянскихъ построекъ болѣе интересными представляется «байна» или былинная «мыльня», упоминаемая въ причетяхъ съ неизбѣжными эпитетами «тепла парва баска». Въ противоположность не въ мѣру прикрашенному свадебному причетному описанію, «байна» крестьянская самаго плохого, примитивнаго устройства. Это — низкій срубъ съ однимъ, иногда вдовольнымъ оконечкомъ и крышей на одинъ скатъ; предбанникъ, или «прибанокъ» прирубается не всегда. Въ углу у иверей банный слагается на землѣ вмѣсто печи «каменка или каменяца»; сквозь рядъ камней этого подобія печи свободно выходитъ дымъ и наполняетъ во время топки баню. Вода для мытья нагревается въ долбленыхъ колодахъ или каюкахъ раскаленными камнями.

По способу постройки иъ одну группу съ «банной» должно отнести овинъ или ригу (Собл. VII, 323), пастушью «шалашку» и лѣсной стенокъ, модель котораго можно видѣть въ Петрозаводскомъ музеѣ. Всѣ эти постройки представляютъ выдающийся интересъ съ точки зрѣннн этнографн и исторнн культуры. Въ нихъ часто воспроизводятся, хотя и безсознательно, очень древннн формы построекъ, которыя иѣкогда были обычными, но съ теченіемъ времени вытѣснены новыми, болѣе цѣлесообразными (для постоянныхъ зданій) формами.

Изъ обычаевъ, сопровождающихъ устройство крестьянскаго двора, наиболее характернымъ представляется «новоселье». Оно устраивается обычно подъ вечеръ, при чемъ хозяйка, хотя и входитъ въ новую избу съ образами, но считаетъ нужнымъ произнести «молитву» къ домовому: «Большачекъ и большуха, благослови-те ночевати, и постоять (пожить) рабовъ Божіихъ (имена)».

Пища олончаннна бываеиъ болѣе или менѣе разнообразна на обнльнн, смотря по временамъ года и мѣстностямъ края. Главными элементами ея являются хлѣбъ, рыба, картофель, рыжннн и рѣпа. Хлѣбъ употребляется ржаной, или коврижннй (былинн. о Волгѣ) овсянннй, житннй и гороховннй. Овсянннн и ржаннн мука идетъ и

приготовление блиновъ (Собл. III, 594), пироговъ (Г. I, 427), за-  
онежскаго «тѣста» — тѣста и др. кушаній крестьянскаго стола (Г.  
I, 370; Собл. VII, 319 и др.). Рыба употребляется больше въ су-  
шеномъ видѣ. Мясо въ виленомъ, а ягоды брусника, журавина,  
клюква и др. точеными. морошка моченою. Изъ напитковъ люби-  
мый — рѣнный квасъ (Р. II, 2). въ Каргопольщинѣ присоединяется  
къ нему по праздникамъ еще «ниво пьяное» собственнаго производ-  
ства (Г. II, 369). Но главное угощеніе на праздникахъ и при всякомъ  
удобномъ случаѣ — «зелено вино», на которое часто расхо-  
дится не менѣе, чѣмъ на прочую праздничную провизию и о ко-  
торомъ такъ часто вспоминають Олонецкія пѣсни. Обычай пить  
чай и кофе распространенъ въ Олонии всюду, о томъ и другомъ  
вспоминають какъ частыя, такъ и досюльняи пѣсни.

Въ недороды и неудовные (для рыбы) годы, особенно прежде,  
крестьяне положительно бѣдствовали и если въ 1123 г. въ Обо-  
нежьи и Заволочьѣ \*) «кундиху по ногатѣ хлѣбъ», а въ 1446 году  
«коробъ хлѣба оиыть доходилъ до полтины», то не лучше было и  
послѣдствіи. Въ концѣ XVIII в. «съ ржаной и ячменною мукою  
смѣшивали сосновую кору и печли лепешки изъ корня гравы вах-  
ты (Tritofia virginia). Такая пища производила слабость во всемъ  
тѣлѣ, тошноту и опухоль въ ногахъ», между тѣмъ ей пришлось  
населенію Повѣнецкаго уѣзда питаться 7 лѣтъ подрядъ въ одинъ  
80-е г.г. XVIII в. (Образцы хлѣба съ корою и мякиной выѣжтс  
въ Олонецкомъ этнографическомъ музеѣ).

О пищѣ замѣтимъ еще слѣдующее. Въ мѣстностяхъ, поцвер-  
нихся вліянію раскола и удержавшихъ древній укладъ жизни, счи-  
тается «грѣхонъ» употреблять въ пищу картофель, свинину, мед-  
вѣжатицу, зайцевъ, лебедей и пѣтуховъ.

Одежду, особенно праздничную, олонецане носятъ не по сред-  
ствамъ и хотя она не такъ богата и шикарна, какъ, по даннымъ  
причтеей, старается представить Е. В. Барсовъ (Причинаы I,  
введ. XX), тѣмъ не менѣе ярко отлѣняется характерную черту  
оловчанъ — щегольство, которое передалось имъ отъ «шаниливыхъ»  
предковъ новгородцевъ. Простая будничная одежда въ старину при-  
пуглялась изъ томашняго «точива» — холста. Изъ него шились  
балахоны (Собл. IV, 739), однорядки (Г. I, 238), женскіе рядные  
сарафаны крашенники (Р. II, 14; Гильф. I, 394). Головными

\*) Заволочьемъ въ древности назывались мѣстности за волокомъ — водо-  
раздѣломъ Онежскаго оера и Вѣзлага моря, лежащимъ на востокъ отъ  
оера Волдозера, Пудожскаго уѣзда.

уборомъ для зимы служила шапка бѣлыя «ушнеста, пушнеста, завѣнеста» (Г. I. 208). Обувь въ XVIII в. всё носили уже кожаную. «Запн же изъ березошыхъ лыкъ надѣвали только во время пашни». Для холоднаго времени крестьяне шили шубы (Г. II. 125), суковные кафтаны и тулупы. Праздничный мужской нарядъ по стариннымъ пѣснямъ составляли: черны пуховая шляпюшка (Собл. IV. 147), на шеѣ — тальянской платъ (С. IV. 594), на ногахъ сапожки однолиные (Г. II, 503), около груди рубашка атланкая (Собл. IV, 739) и суконна желеточка (Собл. IV. 92), на плечахъ у молодца зимой «кунья шуба», а лѣтомъ «сибирка гладкая нанкова» (Собл. III. 265; IV. 447) и суконный кафтанъ,

Не долготъ, не коротенькон,  
По бокамъ перехватистой,  
О середки ожинистой. (Собл. IV. 595).

О женскомъ праздничномъ костюмѣ — штофникѣ, дупегрѣнкѣ, поднизѣ и бусахъ или ожерелѣ (Собл. IV, 813—843), сохранившихся отъ древности, намъ уже приходилось говорить при описанн Пудожской свадьбы. Образцы древней женской одежды тоже въѣются въ музей. Въ Каргопольскомъ краѣ, какъ особенность костюма, должно отмѣтить «жемчужную наѣску (видоизмѣненн Пудож. поднизѣ), расшитые золотомъ кокошники и сукманы. Целѣбная одежда шилась въ XVIII в. изъ сукна «широко и вѣстройно».

Въ настоящее время въ населенн, особенно среди молодежи все болѣе и болѣе проявляется отрицательное отношенн къ старинному костюму и симпатн къ новомодному. Пальто, зонтикъ, калоши, штiblеты, тросточки камышевы, браслеты, часы и т. д. постоянно вспоминаются въ частушкахъ. «Суди по богатымъ праздничнымъ нарядамъ, со стороны можно подумать, писалъ въ 1866 г. П. Н. Рыбниковъ, что въ Заонежн живутъ все каннигалнсты. Но часто случается, что сегодня разгуливали самъ хозяинъ въ синемъ ярянкѣ, а жена въ штофномъ сарафанѣ, завтра же все это завязывается въ платокъ и относится въ злгодъ въ какой либо пудю мукн или рубль денегъ».

На ряду съ пристрастнмъ къ нарядамъ у женщинъ большое пристрастн къ косметическимъ средствамъ: въ примѣн то и дѣво упоминаются «баночки съ бѣлизамн, други съ румянамн, мыло невгородское до гребень рыбной косточки». Интересное описанн того, какъ бѣлизались и румянились дѣвушки и молоднцы нашего

края въ старину, даетъ въ своемъ «Путешествіи по Ладожскому и Онежскому озерамъ» (1785 г.) акад. П. Озерецковскій. «Деревенскія женщины и дѣвки, послѣ умыванья на берегу озера, натираются бѣлизнами и натершись стоятъ или сидятъ на судахъ безъ всякаго дѣйствія (т. е. неподвижно). Послѣ сего бережно смываютъ бѣзны съ лица, и какъ многія изъ нихъ зеркала не имѣютъ, то смотрятъ въ воду и помощью сего зеркала уравниваютъ на себѣ подложную бѣлизну, которую наконецъ прикрашиваютъ румянами».

Н. Шайжимъ.

